

Рисунок Настасьи Поповой

Привет, гений, — поздоровался с ним кинооператор, заходя в студию. — Не терпится показать свой шедевр? Не красней, извини, пошутил неудачно. Ну, давай смотреть.

Застрекотал старенький кинопроектор, и на белой простыне появились кадры с изображениями блестящих, отполированных деревянных скамеек, стоящих рядами в вагоне. Они были такими новыми, что Штерну почудилось, что он вдыхает в магазине запах мебели или лакированного дерева. На одной из этих скамеек расположились две молодые тетки в цветастых платках с пустыми бидонами — молочницы. Они сидели друг напротив друга, смеялись, разговаривали и, вероятно, сплетничали о своих хозяйках. Затем разместилась молодая мать с карапузом на руках, круглым и похожим на арбуз. Его дразнила сестренка аппетитной булкой. Мальчишка сделал отчаянный рывок и схватил девочку за белый бант, скорее всего, больно-больно, потому что та заревела и стала разжимать его пальчики. На следующей в ряду скамейке сидя дремал парень, а на его

плече посапывала девушка, очень сладко и безмятежно, губы ее были слегка приоткрыты, и из уголка рта тянулась влажная дорожка слюны.

Далее камера прошла по вагону, где почти все места были заняты, но толчеи не было. Люди разговаривали, читали, спали, в окна практически никто не смотрел; что там, вероятно, мало кого интересовало. Но фокус оператора сместился, и камера стала наезжать на окно и...

Появилось стекло вагонного окна в косую полосочку, за ним, оказывается, существовал совсем иной мир. Там, за мокрой решеткой дождя, казалось, двигались ватники и шинели, причем без голов и ног, поскольку конечности, по неизвестной причине, оказались не в фокусе. Серые ватники везли тачки по деревянному настилу, рыли канавы, разгружали из вагонов бревна и кирпичи, таскали на себе мешки. Казалось, что небо опустилось на их головы, оставив лишь узкую полоску света, очерченную деревянными бараками. По краям железной дороги шли столбы с колючей проволокой. Проволока, скрученная в большие

мотки, была растянута между столбами, а рядом с этими мотками стояли шинели, похожие на огромных пауков, заманивающих ватники в свою паутину из колючей проволоки.

Пленка закончилась. Штерн молча встал, закурил и вышел. Ванька долго сидел красный и мокрый от пота. Учитель вернулся.

— Ты знаешь, Вань, я не шутил, ты большой молодец и снял очень здорово. И чтобы бы ты сильно не зазнавался, забудем о твоём кино и спрячем его в дальнем шкафу, к примеру, вот в этом, и ты посмотришь его, когда станешь взрослым, лет этак через десять. Добро? Согласен? — спросил Штерн, сняв бобину с остатками пленки и быстро спрятав ее в шкаф, закрыл его на замок.

— Согласен, — с облегчением выдал из себя Иван.

— Ну и ладушки, пошли, я тебя провожу до вокзала, — предложил учитель и потрепал парнишку по голове.

После этого случая на вольную тему больше снимать Марк Петрович Ване не разрешал.

5. ГЕРОИ УХОДЯТ

Лето пятьдесят третьего года для семьи Герцевых стало необыкновенно удачным. Михаил Михайлович защитил докторскую диссертацию и был приглашен на работу в Демидовскую больницу на должность заведующего хирургическим отделением. Сын Ваня, после нескольких лет работы санитаром, поступил в медицинский институт на лечебный факультет. И наконец-то вся семья из Никольского вернулась в Москву, поселившись в «Чкаловском» доме недалеко от Курского вокзала.

Сегодня доктор Герцев-старший ушел из клиники пораньше, он договорился встретиться со своим старым другом. Много лет тому назад они вместе служили в корпусе Мамонтова. Их объединяли не только хирургия и совместная молодость, но и доверие друг к другу, проверенное годами.

Михаил Михайлович вышел на Басманную улицу, далее спустился по Садовому кольцу и свернул к Странноприимной больнице, более известной москвичам под названием «Институт скорой помощи имени Склифосовского, или «Склиф». Там главным хирургом работал его друг Александр Александрович Рюмин. Доктор Герцев специально пошел пешком, чтобы подумать и подготовиться к встрече.

«Рюмин по амнистии только что возвратился "оттуда", однако ему вернули звание академика, награды, должность, имущество и даже Сталинскую премию. Этого никогда не было раньше. Что же происходит? Вроде бы Саша опять в фаворе, но его голос звучал по телефону как-то слишком глухо. Он сказал: "Приходи в любое время, его у меня сейчас много". Странно, очень странно», — думал доктор, поднимаясь по лестнице на второй этаж

правого крыла Странноприимного дома.

Архитектор Кваренги выстроил это здание в виде подковы, в центре которой находилась когда-то церковь, от нее по сторонам расходились крылья дома, где и располагались больничные палаты. Несмотря на то, что церковь была превращена в вестибюль, где под толстым слоем штукатурки были похоронены фрески восемнадцатого века художника Доменико Скотти, госпиталь сохранил величие и изящество светлых коридоров.

Герцев-старший постучал в высокую дубовую дверь, окрашенную в белый цвет, нажал на бронзовую массивную ручку и переступил порог. Кабинет и его хозяин по форме были почти такими же, как и пять лет тому назад до ареста, но по сути сильно изменились. Исчезла статуэтка бога торговли и медицины Меркурия со стола красного дерева, картина с коронацией Александра Третьего с левой стены, маленький столик с раскрытой партитурой, скрипка, гитара, патефон и этажерка с пластинками, остались лишь сухие портреты ученых слева и книги. А сам хозяин кабинета из подтянутого щеголя с подвижным артистическим лицом и длинными пальцами скрипача превратился в маленького сутулого сухого старичка с прозрачными руками и одутловатым лицом.

— Здравствуй, Александр Александрович, как я рад тебя видеть! — радостно воскликнул Герцев.

— И я очень рад тебя видеть, Михаил Михайлович! — как-то отстраненно отозвался хозяин кабинета.

— Саша, ну что ты сидишь за столом, как неродной?! Обнимемся, что ли, пять лет ведь не виделись! — произнес гость, несколько растерявшись от холодности Рюмина.

— А замараться или заразы какой подхватить от меня не боишься? — спросил Александр Александрович, пристально посмотрев в глаза вошедшему.

— Дурак ты, Сашка, это же я! Худой ты какой, но сильный, чертяка, раздавишь, — смеялся Герцев, бережно прижимая к себе друга, все же раскрывшего ему свои объятия.

— Ну что, по рюмочке, за встречу? — предложил Александр Александрович, подошел к старинному шкафу в стиле жакоб, достал бутылку армянского коньяка, наполнил две рюмки янтарной жидкостью, одну взял сам, вторую протянул другу и, смакуя, стал пить маленькими глотками.

— А аромат, аромат каков, напиток богов, это мне много лет тому назад генерал армии Баграмян подарил. Хорошо! Да, давай еще по одной, за нашу дружбу. И садись сюда, на диван, поговорим, посмотрим друг на друга, пять лет ведь не виделись!

Двое мужчин: один в белом халате и шапочке, второй в сером костюме и берете — сели на старый кожаный диван с высокой резной спинкой и продолжили разговор.

— Видишь, Миша, я стал совсем другим человеком. Да, другим, чтобы вернуться обратно, мне необходимо было уничтожить себя прежнего. Изменить частоту своей души. Раньше я жил в мире, что творил сам, и заставлял любого, с кем был связан, жить так, как я считал нужным, по моим собственным законам. Сам находил деньги, оборудование, перестраивал эту больницу, придумал структуру службы неотложной хирургической помощи, шутка ли, для всей страны! Когда я входил в операционную и видел больного, то слышал его уникальную мелодию. Я становился к операционному столу и брал первый аккорд, потом второй, третий, ткани

не твоими глазами. К примеру, красоту Елены Троянской описали тысячи, а изобразить посмели единицы. Надо лететь, смотреть лики, фрески в храме, потом и помереть можно. Поехали со мной, Мишка, в Киев, в июне съезд хирургов Украины. — В глазах Александра Александровича стояла такая мольба, что отказать было невозможно.

— В Киев? С тобой? На съезд хирургов? Конечно, поеду. А о смерти думать ты брось, пустое это, когда придет, тогда придет. Иногда и отсрочить ее можно. Ты вон, я слышал, каждый день ее отменяешь, раза по три-четыре. Три сложнейшие операции в сутки делаешь, разве можно так над собой издеваться?! Говорят, твою операционную пижаму после этого выкручивать можно. Ремонт опять в госпитале затеял. Слухи ходят, сам на леса лазишь, фрески Скотти пытаешься обнаружить. Всю свою коллекцию картин по палатам развесил. Никому не доверяешь, сам даже гвозди вбиваешь. Ординаторов увольняешь. Вот и усталость. Отдохнуть тебе надо, съездил бы в Крым, в санаторий, — маленькими глотками отпивая коньяк из рюмки, ласково выговаривал другу Михаил Михайлович.

— Нажаловались уже, и когда только успели. Попросил я тут одного ординатора повесить картину Кукрыниксов в палате для выздоравливающих. На утреннем обходе захожу туда и вижу — картина на стене висит криво. Конечно, я его уволил. Какой он хирург, если даже картину не может правильно повесить. У хирурга руки — не менее значимый орган, чем голова. Тренировать их надо сутками, овладевать хирургическим языком в совершенстве. Руки — это глаза хирурга. Хирургия — сплав науки и искусства. Не потерплю ремесленников в своей клинике, — возбужденно говорил Рюмин, молодо размахивая руками.

струились через мои пальцы. Мне казалось, что я играю на струнах души оперируемого мною человека. Я чувствовал себя таким огромным, таким значимым, уникальным и незаменимым. Я считал, что моя самоотверженная круглосуточная работа и тысячи спасенных мною жизней дают мне право владеть, управлять, распоряжаться мощнейшим потоком творческой энергии, какую я черпал у кого только мог. Я блаженствовал и набрал такую скорость, что потерял опорную ось и сорвался со своей орбиты.

Падение было мгновенным. Как мне было больно! Не потому, что следователь на Лубянке выбил мне зубы, выворачивал веки и не давал спать, как раз физические страдания, голод и холод помогли мне справиться с этой болью. Не потому, что я боялся клеветы, сплетен, потери своего честного имени, предательства семьи и друзей. Нет! Я попал в место, абсолютно лишенное творческой энергии.

Помнишь, в учебнике по Закону Божьему было написано о Деннице: «... и отправили его в место удаленное от Бога, и назвали это место Адом». Ад — это место, где нет энергии Творца, где невозможно творить. Я понял это только там, на последнем рубеже.

Миша, ты не только мой старый друг, ты еще мой коллега, хирург и ученый, я могу поговорить об этом только с тобой. Многие

годы меня не устраивало ни одно определение острой дыхательной недостаточности или остановки дыхания, и только там я понял, что человек перестает дышать, когда душа отделяется от тела. Сердце еще бьется шесть минут, а душа уже улетела. И за все, что ты накопил за свою жизнь, платишь, все отдаешь в эти шесть минут боли. Попробуй задержи дыхание. Почувствуй муку удушья. Отсутствие энергии — это и есть дуновение ада.

Я был в тюрьме три месяца и три года. В разных мирах, Миша, время течет по-разному. Мне вернули душу, думаю, по молитвам жены моей, но другую. Плохо мне жить с этой душой, маленький я стал, слабый, сгорбленный, ничего не могу, пуганный. Все время думаю о том, как бы кому на ногу не наступить.

В Киев хочу съездить в Кирилловскую психиатрическую больницу, там церковь сохранилась, что расписывал сам Врубель. Последнюю свою фреску «Скрежет зубовой» художник творил, когда был уже тяжело болен, и душа его находилась между мирами. Не успел он ее закончить, умер в этой больнице.

Понимаешь, я только соприкоснулся с чертой, ощутил ад, а Врубель — художник, он еще его и видел. Хотя на такое способны писатели и поэты. Картины, фотографии, киноленты могут передать только впечатление, и то

— Ну вот, узнаю старого маэстро Рюмина. А то — «бою на ногу наступить!» А за парня, которого ты уволил, хочю тебе спасибо сказать. Взял я его к себе в отделение. Боялся он тебя сильно, авторитетом ты его задавил, вот он и не раскрылся. Хирургические инструменты он изобрел интересные. С детства у него руки не очень ловкие, вот и сделал он несколько приспособлений таких, с которыми хирург с руками ремесленника чудеса творить может.

Технику, новые медицинские препараты для анестезии изобретать и применять надо. Вот и не нужны будут тогда уникальные руки в хирургии. Уходят из жизни титаны и герои, Саша. И может быть, нашим детям повезет, они не будут жить в героические времена, требующие титанических усилий. А будут жить своими частными маленькими жизнями, не служа великим целям. Самое сложное и тяжелое за них будут делать машины, которые не станут себя считать ни уникальными, ни незаменимыми, ни героическими. Они ведь не люди, и у них нет таких проблем, — продолжал Михаил Михайлович.

— Да, Миша, интересно. Я знаешь, там, в тюрьме, одну философскую книжонку написал на листках папиросной бумаги. Сначала, чтобы остаться человеком, по памяти «Илиаду» Гомера в переводе Гнедича записал, а потом — ее. Так вот, название книжонки — «Герои уходят».

Как-то во время очередного обыска нашли в моей камере листки с отрывками из «Илиады» и передали следователю. Он мне их тычет в лицо: «Что это?» Отрывок из «Илиады» Гомера, отвечаю я. Следователь оказался довольно образованным человеком, о Гомере слышал. Но в бешенство пришел необычайное. Он кричал, что я враг, что теперь он не сомневается, что я английский

шпион, потому что советский человек не может после его допросов вспоминать Гомера, а должен скулить и писать покаянные письма в адрес следствия. Он орал, что я презираю всех окружающих и что если я даже не шпион, то меня все равно надо уничтожить как классового врага, — разоткровенничался со старым другом Александр Александрович.

— Саша, если не хочешь — не отвечай, но почему именно английский шпион, а не французский или американский? Ты ведь знаешь пять языков и на стажировке был в Америке в тридцатые годы, — как-то немного стесняясь, спросил Герцев.

— Да, глупость я сморозил, из времени выпал, забыл, что классовых врагов уничтожают. Прав был следователь, ни одному советскому человеку в голову бы это не пришло.

В войну во время посещения госпиталя иностранной делегацией познакомился я с английским послом Керром. Англичане привезли тогда в подарок оборудование и медикаменты для раненых. Мы долго беседовали и подружались. Война закончилась, и я решил вернуться к реконструкции госпиталя. Очень уж мне хотелось извлечь легендарные фрески кисти самого Доменико Скотти из-под штукатурки в вестибюле больницы, где когда-то была Троицкая церковь. И я написал письмо господину Керру с просьбой ходатайствовать перед товарищем Молотовым об ускорении начала реконструкции Странноприимной больницы. Это и послужило формальным поводом обвинить меня в шпионаже в пользу Соединенного Королевства, — спокойно ответил на вопрос друга Рюмин. — Ну что, Миша, еще по одной?

— А ты знаешь, не откажусь, устал сегодня чертовски! Я вот что хотел у тебя спросить, Саша, а что за философскую тетрадь ты написал там, у черты, да еще с таким

названием «Герои уходят»? — заинтересовался необычной книгой Рюмина Герцев.

— Понимаешь, Мишенька, вспоминая и записывая Гомера, я вдруг понял, что он излагает историю человечества как историю войн. Так Диомед, Агамемнон, Аякс, Гектор были всегда центром событий. Не нищета и обстоятельства рождали гениев и героев, а сверхъестественные силы, воплощением которых они и являлись, сталкивались в боях. Посмотри, Эней — сын Афродиты, Ахиллес — сын Фетиды.

Только Советский Союз с его железной дисциплиной и ужасающей жертвенностью каждым во имя единой цели мог стать воплощением той сверхъестественной силы, что столкнулась в единоборстве с другой силой — фашистской Германией. С землетрясением договориться нельзя, Миша, его нельзя понять, а можно лишь постараться выжить.

Земля устала, ее страсти утихают. Герои уходят из реальной жизни в параллельный мир фантазии, искусства, и те, кто их еще помнит и помнит это ощущение — каково быть героем, — должны уйти вслед за ними тоже. Подвиги требуют слишком больших затрат энергии. Развитие нации зависит не от ее способности к созиданию, а от ее неспособности к разрушению.

Оглянись, вокруг одни руины. А я как не от мира сего, фрески реставрирую, картины в больничных палатах развешиваю. Не хватает хлеба, медикаментов, квалифицированного персонала, тепла. Тот, кто летал, ползать не захочет. Уходить, Саша, мне надо, уходить. Мое время ушло. Я пытаюсь его оживить, как будто зеленой краской раскрашиваю пожухлую траву. А ничего не получается, холодно, серо, одиноко и очень скучно... Стоп. Все обо мне и обо мне. Как ты сам? Как семья? — резко переменял тему

разговора хозяин кабинета, не забывая при этом наполнить рюмки.

— У меня много изменений. Я вернулся в Демидовскую больницу, получил шикарную квартиру в «Чкаловском» доме. Приглашаю тебя в гости с супругой в это воскресенье на новоселье. Приходи, будут только свои, очень близкие люди. Сыну Ваньке — двадцать лет. В этом году — оболтус — поступил в медицинский институт, но учится без всякого интереса. Увлекается фотографией и киносъемкой, пропадает на «Мосфильме» и на киностудии учебных фильмов при институте. Друзья, танцы, молодость. Может, ты на него повлияешь? — обратился Герцев к Рюмину с просьбой.

— Да, мы с тобой чуть постарше его были, когда ушли на ту, почти забытую Первую мировую, которая, надеюсь, наконец окончилась в сорок пятом. И мы с тобой в жизни только и делали, что шили и штопали искалеченных на войне людей. Хорошо, что Ванька другой и время у него другое. Знаешь, раз он увлекается кино, есть у меня для него подарок — трофейная американская кинокамера. Мне из МИДа, по случаю, старый товарищ принес, зная, что я коллекционирую различные исторические вещицы. Кинокамерой этой пользовались американские операторы, снимая Ялтинскую конференцию, а потом подарили нашим. Пусть Ванька новое время снимает, — произнес Рюмин, встал, подошел к своему письменному столу, выдвинул нижний ящик и достал оттуда коричневый кофр. — Передай Ваньке кинокамеру от меня, удачи ему. Держи!

— Спасибо огромное! Королевский подарок! — поблагодарил Герцев друга, осторожно принимая кофр с камерой.

— Извини, Миша, но это скорее аванс, чем подарок. Задумал я сделать музей госпиталя. И хотел бы попросить Ваню снять фильм

об истории Странноприимного дома, о его прошлом и настоящем, о людях, с именем которых связана эта больница. Ведь участницы всех военных батальев, начиная с Отечественной войны двенадцатого года, лечились здесь.

Я здесь, в больничном архиве, недавно откопал историю болезни самого князя Багратиона. Очень интересно. Оказывается, причина его смерти — в запоздалой диагностике, правильное лечение начали с опозданием. Врачи явно боялись оперировать князя, а был бы он рангом пониже, прооперировали бы вовремя, и не умер бы он от осколочного ранения костей голени.

Так что жду Ивана завтра у себя часов в шесть вечера. До свидания, если не будет срочной операции, увидимся. Привет супруге! — произнес академик, скрывая от друга, насколько сильно он устал от их встречи.

Мужчины обнялись на прощание, Александр Александрович вернулся к столу, а Михаил Михайлович вышел из кабинета со свертком под мышкой. Он спустился с лестницы, еще раз поднял голову и посмотрел поверх лесов, установленных в вестибюле больницы. Стоял и долго пытался рассмотреть уже раскрытые фрагменты фрески, пока его шея не одеревенела.

Доктор Герцев-старший покакрутил головой, чтобы размять шею, и уже двинулся к выходу, когда мимо него пробежала заплаканная молодая женщина, а за ней вторая. Старая знакомая доктора, санитарка тетя Катя, сердито мыла полы и ворчала:

— Вернулся, нехристь, на нашу голову, сам покоя не знает и другим не дает!

— Добрый вечер, Екатерина Петровна, что случилось? — поздоровался с женщиной Герцев.

— Здрассте, Михал Михалыч, кому добрый, а кому и не очень.

Да друг ваш лучший опять новую докторшу обидел. Ну не любит он женщин-хирургов, считает, что это сплошное недоразумение и несчастье. А тут еще увидел молоденькую нашу Раису Федоровну, всю покрашенную и надушенную, да как заорет: «Мыться в ванную комнату, немедленно, это больница, а не бордель, а вы, милостивая государыня, врач, а не маркитантка!» Она, конечно, в слезы — и убежала. Да это цветочки, на прошлой неделе, во время операции, стукнул анестезистку Лиду Анисимову. Оно, конечно, за дело, не мечтать надо, а за давлением больного следить. А та в местком побежала жаловаться. Главный врач к нему пошел, разговоры разговаривал. После чего маэстро извинился перед Лидой сквозь зубы. Вы бы поговорили с ним, Михаил Михайлович, а то люди — злые, опять беда может приключиться. Товарищ Сталин, покойный, говорил: у нас незаменимых нет. Да ты иди, иди, соколик, а то натоптали, мыть пол мне надо, некогда. Докторов много, а полы мою я одна, — рассказывала гостю последние события уборщица, ловко орудуя шваброй.

В июне пятьдесят четвертого академик Рюмин прилетел в Киев и посетил старую церковь в Кирилловской психбольнице. Он долго смотрел на врубелевского белого голубя, под самым куполом храма парил Святой Дух. По возвращении обратно в Москву в самолете Александру Александровичу стало плохо, сильно заболело сердце. Ехать в больницу хирург отказался, из аэропорта отправился прямо домой и лег отдохнуть на диван в своем домашнем кабинете, где жена ранним утром следующего дня и нашла его мертвым.

Продолжение следует.